

Озарения музыкального декабря

Россия. — 2003. — 5 дек. — с. 7

Ян Смирницкий

При всех громких именах солистов, означенных на афише фестиваля/«Владимир Спиваков приглашает...», любимое детище Владимира Теодоровича было и остается фестивалем не столько исполнителей, но композиторов, и подтверждение тому — первые два концерта.

Просто музыка

И по сей день Спивакова иной раз кольнут за его «весья — в музыке»; не прощается это представителями современной жизни, ищут подвоха, ищут игру, а может, просто завидуют. На концертах его сложно отыскать межстрочную трагичность. Они, скорее, напомнят вам воскресные песнопения в соборе, хвалу высшему и без оглядки на что бы то ни было. Просто музыка. Музыка — и все.

Ведь часто даже большие музыканты, выступая со своими оркестрами, изобретают проблему, некое словесное выражение, вывеску, которую зритель проглотит и с этого ракурса начнет постигать музыку. У Спивакова нет вывески. Нет круглой даты, юбилея, проблемы, там, «власти» или «бизнеса в искусстве». Этим, разумеется, его фестиваль становится только более ответственным и по игре, и по восприимчивости.

Опять же — много солирующих звезд, но эта звездность своя, камерная, музыкальная, она лишь богаче выразит в Прокофьеве Прокофьева, а в Штраусе Штрауса. Выразит не как «столпов» и «родоначальников», но их музыку.

В качестве рекламного трюка то тут, то там во всех красках подается образ американской певицы Джесси Норман, выдумывается масса личных качеств якобы строптивой и капризной темнокожей актрисы, ее «непомерных» требований к организаторам, вроде душа в артистической комнате или просьбы никому не курить в здании консерватории. Но к чему прикасаться к музыке завязшими в беллетристике руками?

Эпитета «звезда» для Джесси Норман недостаточно, она — вселенная. Фото Александра Потапова

Вальс военного времени

На первом концерте Национальный филармонический оркестр под управлением Владимира Спивакова играл «Каприччио» Рихарда Штрауса. Произведение было написано к середине 1942 года, того самого года, когда один из друзей Штрауса, замечательный писатель Стефан Цвейг покончил с собой. (В последующем именно о разрыве с Цвейгом поминали обвинители, причисляя Штрауса к «главным виновникам» фашистского режима Германии, при Гитлере он занимал официальный пост президента Имперской музы-

кальной палаты. Благодаря защите искусствоведа Ливерта, отправленного нацистами в Бухенвальд, других известных людей Мюнхенский трибунал снял со Штрауса все обвинения.)

Анданте почти в духе венского вальса, Спиваков, рассылающий палочкой «серпантинки» оркестру, оркестр, с изяществом импрессионизма открывающий в музыке автора «Электри» и «Саломей» остроумную душевность. Как видите, история остается за кадром. Осуждение ли это Спивакову или высшая похвала, но его, как и Штрауса, интересует только музыка. Вероятно, «Каприччио» Штрау-

са — это уже в большей мере «Каприччио» Спивакова.

Ювелирный вокал

На том же концерте исполнялся цикл из «Семи ранних песен» на музыку Альбана Берга. Бергу «повезло». В отличие от Шенберга или Антона фон Веберна он умер до нацистских бесчинств в 1935 году.

В «Песнях» солировала Джесси Норман, едва ли следуя берговским исканиям от романтической традиции к экспрессионизму (произведение писалось с перерывами с середины 1900-го до 1928 года). Нет, в ее голосе просыпалась глубокая внутренняя поэзия, тихая и объемная. Нор-

ман «не гремит», «не грубит», это ювелирное исполнение каждого звука, певучесть слога — «был этот день весь в белых хризантемах»... Впрочем, было чувство, что отдельно слушаешь ее и отдельно Берга, будто расходится в какой-то момент поэзия двух художников. Но Владимир Теодорович в самый опасный момент этого расхода одним взмахом смычка объединял в единое поле два разных вдохновенных порыва. «Текут бесконечно над миром дни, пришедшие к нам из начала времен».

Поистине явлением второго фестивального концерта стала личность приглашенного

тенора Тоби Спенса, исполнившего вокальный цикл для высокого голоса и струнного оркестра «Озарения» на музыку Бенджамина Бриттена. После Генри Перселла «вторым великим британцем» называют то Бриттена, то Эдуарда Элгара. Но к чему эти споры об их величии, когда дипломатичный Спиваков исполнил произведения их обоих во время второго концерта.

Владимир Теодорович трудом своим легко улаживает все «вековые» споры, говорит, что «музыка есть счастье, вот оно, я вообще удивляюсь, что мне, имеющему это счастье, еще платят за исполнение какие-то деньги».